После событий, накануне событий

Что происходит с Россией? Что с нами происходит?

Член редколлегии «Литературной России» Павел ЕМЕЛИН беседует с писателем Валентином РАСПУТИНЫМ

— Валентин Григорьевич, вот эта внушительная стопа писем и телеграмм — читательские отклики, пришедшие к нам в ответ на призыв Игоря Ростиславовича Шафаревича защитить писателя Распутина от новоявленных «литературных чекистов». Часть читательских посланий опубликована, часть — приведена в обзоре, который сделал Евгений Ованесян. И все равно использована лишь малая доля нашей почты. Передаю ее вам. Думаю, в ходе беседы мы обратимся к отдельным читательским откликам. Начать же хотелось бы с вопроса, который обсуждался на страницах нашего еженедельника: какая идея спасет Россию? Каким путем нам двигаться дальше? Об этом писали публицисты Юрий Воробьевский, Анатолий Ланщиков, председатель творческого объединения «Собор» Павел Тулаев. Не остались равнодушными к дискуссии и читатели. Как бы вы на эти вопросы ответили?

— Прежде всего, спасибо всем, кто после обращения И. Шафаревича в «Литературной России» принял участие в моей судьбе, равно как и в судьбе Ю. Бондарева и А. Проханова, а также В. Белова и других, приговоренных на первый случай к гражданской казни через поношение. Насколько читательское заступничество помогло приостановить расправу, трудно сказать. Думаю, что помогло. Литературных прокураторов, захвативших власть в Союзе писателей СССР, у которых, конечно же, прямая и доверительная связь с обновленными государственными органами прокуратуры, оно заставило сбавить тон. Им приходится признать, что поголовное одурачивание (а уж как они старались, как они на него трудились!) не состоялось, и хочешь не хочешь, а надо менять приемы.

Давно известно: самая надежная защита — защита миром. В любом случае, если даже физическая расправа нам не грозила, читательское «нет», прозвучавшее довольно мощно, не было напрасным. Оно лучше всяких призывов явилось одним из средств объединения нас в силу, с которой начнется и уже началось ополченское движение за Россию — не за эту, какую нам навязывают, а за ту, какая отвечает ее историческому духу.

Какая, говорите, идея спасет Россию? Как ни близко это лежит, ответ, я думаю, содержится в самом вопросе. Какая идея спасет Китай? Китайская. Японию — японская. Россию может спасти только российская идея. Все несчастья России происходят оттого, что ей никак не дают жить собственной головой; то навяжут ей одну идею, а потом, когда она лопнет, с неменьшей настойчивостью и яростью начинают навязывать другую. И всякий раз она выдается за единственно возможную и спасительную для этой во всех отношениях непозволительной и непроизводительной страны, которая якобы не в состоянии произвести ничего собственного. И вся наша сегодняшняя «тяжба о России» (так называется книга Г. Федотова) — продолжение, похожее на трагическое окончание, более чем вековой борьбы. За это время менялись действующие на разных полюсах люди, накал борьбы то ослабевал, то снова разгорался, но суть его оставалась неизменной: Россия вызывала недоумение, раздражение и даже ненависть тем, что она живет со своим лицом и со своим нутром, что она не меняет веры и норовит идти не в ногу с цивилизованным Западом. Чего только не придумывали о ней! И что в России преобладают женские начала и для оплодотворения ей нужен жених (и жених назывался в лице мужественной Германии, назывался в том числе и русскими умниками, и что же удивляться попыткам насилия со стороны напористого жениха, если эта девка сама не понимает своей выгоды?!). И что Россия — страна невежественная, вялая, к творческой и деятельной работе не способная. И что история ее — это цепь доказательств ее несостоятельности, неправомочности, незаконности и бездарности. Ну что ты будешь делать! Не должно быть такой России, ее существование оскорбительно для человеческого общества, а она есть! И никакие методы не действуют, только возьмет ногу, ан нет, опять сбой. Передовая часть общества понимает, что так жить нельзя, но сколько же в этой упрямой и несуразной стране сермяжного, дремучего, снова и снова уволакивающего в свою трясину.

И вот сегодня Россия наконец попередовела, то, что не удавалось веками, теперь совсем близко. Россия нашла силы поумнеть: принимаются чужие нравы, чужая культура, язык, экономика, социальное и политическое устройство — все с чужого плеча. Самобытный путь исчерпан, в нем осталась одна тина да грязь.

— Понятие пути, конечно, очень емкое. Но в нашей дискуссии главный вопрос — об идее. Когда-то, вы знаете, этой идеей был марксизм. К чему он нас привел — известно. Сейчас многие предлагают вновь обратиться к православию. Юрий Воробьевский, тот вообще за то, чтобы взять некую комбинацию из самых вроде бы конструктивных элементов христианства, ислама и коммунизма. Вы, наверно, и сами чувствуете: в идейном, духовном плане у нас острый дефицит, пусто́ты...

— Ну еще бы — смешать все в одну кучу и вымешать из нее жемчужное зерно примирения. Почему, скажите, христианство, ислам и иудаизм не могут существовать самостоятельно, не мешая друг другу, то есть сосуществовать мирно, по-соседски, как уживаются часто люди разных верований? И почему в христианстве католичество не хочет примириться с православием? Этому учил Христос? Адская смесь из разных религий и учений есть не что иное, как сознательный или бессознательный, все равно, умысел против православия и национального самосознания. Не мытьем, так катаньем.

Вы говорите об идейном и духовном дефиците. Едва ли эти два понятия, идейность и духовность, правомерно ставить рядом как синонимы. Идейность приобрела значение политического учения. Лучше его не иметь вовсе, чем, задрав штаны, без памяти бежать за каким-нибудь комсомолом или ротари-клубами. У каждого народа должна быть национальная и государственная идея. Для русских — это освободиться от навязанного им комплекса неполноценности, осознать свое достоинство и неповторимость, понимать под достоинством не национальную спесь, а духовно-качественное строительство. Для России — это сохранение своей государственности, возвращения былой славы и чести. Скажете, это не идея, а задачи сегодняшнего дня. Но никакая животворная идея не обходится без первоочередных задач, из их последовательности и цели она и состоит. Цель же — отстоять себя, силой своего примера продлить духовное и материальное будущее мира. Всему миру теперь не до сияющих вершин, приходится говорить о продлении и спасении жизни.

— Особая ответственность — и вы также писали об этом в статье «Интеллигенция и патриотизм» — лежит на нашей интеллигенции. Не случайно, видимо, и вы, и наши авторы, и читатели обращаются сегодня к знаменитым сборникам о судьбе русской интеллигенции, о судьбе русской революции — «Вехи» (1909 г.) и «Из глубины» (1918 г.). Общественная ситуация, какой была тогда, и нынешнее перепутье во многом схожи. «...Первое, что должна сделать наша интеллигенция, — писал один из авторов сборника «Из глубины», анализируя причины октябрьской катастрофы, — это честно и тщательно пересмотреть свой собственный идейный багаж». Как вы полагаете, относится ли это пожелание к дню сегодняшнему или нынешняя интеллигенция настолько идейно бедна, что ей особо и пересматривать-то нечего?

— Она и пересмотрела. На свой лад! Деды, нередко по самому прямому родству, приняли коммунизм, внуки предали его анафеме, не те-де оказались исполнители. Но дело не в этом. Пока коммунизм исполнял роль разрушителя государства, пока он перемалывал народ во имя единого интернационального духа, он устраивал и западную демократию, и внутреннюю «передовую» интеллигенцию. Все было в порядке. Мы не хотим признать одну очень важную вещь, которая полностью изменила отношение интеллигенции к своему ученью. Это было все равно что переварить атомную бомбу, но ценой огромных жертв и страданий Россия переварила коммунизм и поставила его на службу своей государственности. Призванный погубить страну, он постепенно стал державником, на свой, разумеется, твердолобый и непререкаемый манер, которому не близко до желанного блага.

Однако произошло то, чего от коммунизма не ждали, и этого перерождения, этого предательства простить ему не могли. К подобранным еще от революции Французской революцией 17-го года лозунгам «свобода, равенство, братство» смелые языки добавляли альтернативу, которую они вынуждены были наблюдать: «...или смерть». Или изволь делать и думать как велено, или отправляйся по этапу. Эта свобода ничего общего со своим понятием иметь не могла и была инструментом подавления всякой самостоятельности. Заметили ли вы, что с сегодняшних идеологических знамен исчезли «равенство» и «братство»? Они сейчас некстати. А «свобода» превратилась в инструмент разрушения, и те же самые лица, которые дули в прежнюю пропагандистскую дуду, наяривают в новую.

Какое там братство, когда потребовалось срочно доставать старое полоткище «Россия — тюрьма народов» и, пользуясь обстановкой, натравливать окраины на центр и сплотителя-душителя! Какое там равенство, когда без закона, власти в море разрушительных и преступных свобод порядочные люди брошены на произвол судьбы, на погибель! А уж они-то, исполнители этих порядков, не будут оставлены теми, кому они угодили и кто готовится прибрать к рукам растерзанную страну. Такие услуги не забываются.

Это к вопросу о смене идейного багажа. «Идея», в общем, оставалась та же — остановить Россию, менялись способы ее осуществления.

— Сейчас мы видим, что наша интеллигенция раскололась, явно выделяются два лагеря: радикалы, называющие себя «демократами», и люди национально мыслящие. Между ними не просто противостояние, а настоящая вражда. Откуда это? Что тут — непримиримость чисто идеологическая, политическая? Или же здесь есть и какая-то подоплека чисто материально-корыстного свойства? Почему все-таки была развязана оголтелая кампания травли и вас, и Белова, и Бондарева?.. Неужели кому-то неясна высокая мера таланта этих писателей? Неужели в травле участвуют люди, совершенно потерявшие совесть, не ведающие, на что они поднимают руку?

— Вот вы все время спрашиваете об интеллигенции, а у читателя может сложиться впечатление, что я или не понимаю вас, или подмениваю понятия. Какая это в самом деле интеллигенция, если она злоумышленна по отношению к собственной стране, агрессивна и нечистоплотна в насаждении вкусов и взглядов, которые проповедует, вольно обращается с моралью, совестью и другими «излишествами» человеческого строения? Если она не родня своему народу и ищет благо для него на чужой стороне?

Но такова по природе своей и есть революционная радикальная интеллигенция, беспочвенная, не знающая солей родной земли, питающаяся тем, что наносит цивилизаторская атмосфера. Соответственно ей она и воспитана. И, должно быть, искренне считает, что Россия в своем историческом и духовном обличье дурна, необразованна и ошибочна и что спасение для нее в полном переустройстве по имеющимся в благодатных краях образцам. Хоть в служанках, но по заграйке; туда и стараются давно отбуксировать Россию. А поскольку Россия не изъявляла такого желания — требовалось ее прежде расчленить, обессилить, оболгать и любыми способами скомпрометировать своих противников из национальной интеллигенции, сломить их сопротивление — и тогда уж скорей туда, под владычество мировой демократии, которая и действительно весь мир прибирает к рукам и давно зарится на Россию, на ее богатства и пространства — чтобы двигаться дальше.

Я говорю о делающих это искренне, по убеждению, а сколько — из ненависти к стране, в которой они имели несчастье родиться и жить, сколько — из корысти, из желания играть роль в мировом событии (как еще можно назвать крах Союза!). А возле них множество подголосков, не ведающих, что творят, азартных, постоянно взмыленных; эти — результат образованщины, которая не шибко озабочивалась патриотическими уроками.

Если есть народ, если не допустил он полного своего запущения, должна быть и национальная интеллигенция. Ей не все равно, куда, под какое ярмо гнут выю ее многострадальной Родины, она за то, чтобы эта выя была свободной как от экономического, так и от политического хомута и держала собственную голову.

Отсюда и наши разногласия с космополитической интеллигенцией, отсюда и все остальное. Для нее родина там, где легче жить, для нас — только дома, среди родных звуков и картин, как бы ни огорчали нас эти картины. Прав Михаил Антонов, заметивший недавно, что наше общество сегодня делится не на правых и левых, а на торгующих Россией и защищающих ее.

— И все-таки согласитесь, Валентин Григорьевич, что все интеллигентские споры — от славянофилов и до наших дней — это какие-то, так сказать, верхушечные шевеления. Все-таки судьбу страны, как показывает история и как это мы видим сейчас, определяют властные структуры. Никуда мы от этого, наверное, не денемся. Пришел один властитель, захотел повернуть туда — находится множество аллилуйщиков, которые твердят, что этот путь самый мудрый, самый правильный. Вы сами были на политическом Олимпе. Ваши впечатления о людях, делающих политику? Насколько они сами представляют себе те цели, к которым нас ведут?

— Я не могу полностью с вами согласиться. Русская пословица точно определяет: и Мамай правду не съел. Самодержец мог загибать круто, но народ потом лишнее выправлял. Вспомним Петра и его дело, что́ с ним сталось через несколько десятилетий. Система могла быть совершенно чужеродной, проводящая ее власть безжалостной к своему народу, но народ находил силы постепенно и ее увязить в своих недрах. Я говорил уже об эволюции компартии...

От властных структур, конечно, многое зависит в отведенное им время. Пока народ опомнится, можно немало наворотить.

Фото В. ПОПКОВА

Что касается моих наблюдений, как вы говорите, на Олимпе, у меня сложилось впечатление, что наша политика стала составной частью той большой и общей политики, которая делается в другом месте.

— Все это настолько важно, что хотелось бы узнать подробнее...

— Частных разоблачительных доказательств у меня нет и быть не может. Доказательство — сегодняшнее положение нашей страны, ее слишком быстрое падение. Такого ошеломляющего успеха даже наши враги не ожидали. Будь политика самостоятельной и хоть немного более твердой, этого не случилось бы. Кухня разложения народа и государства варилась давно, тут нет секрета, но из якобы гуманистических принципов своими руками подбрасывать дрова в эту кухню — это надо уметь. Всего за два с небольшим года, в которые развернулись основные события, сдать столь могущественную страну — такого в мире еще не бывало. В прямом смысле сдать: победители вынуждены ломать голову, чем нас, как пленных, кормить и надо ли кормить.

Вообще, насколько я мог убедиться, политика — дело грязное, порядочному человеку там делать нечего. Это не значит, что в политике не бывает порядочных людей, но они, как правило, обречены; там мораль и язык не человеческих отношений, а двойной и тройной игры, в каждой из которых свои козыри.

— Валентин Григорьевич, вы можете сказать, за что получил Нобелевскую премию бывший Президент СССР?

— За Берлинскую стену, за Восточную Европу, за прекращение гонки вооружений. Все это при нормальном порядке вещей можно считать нормальным: разделенная Германия, если она отказывается от экспансионизма, по нравственному закону — это несправедливость; наши союзники по соцлагерю должны сами решать, как им жить и с кем водиться, а начиненная взрывчаткой планета — сумасшествие. Однако, мир ненормален, и все эти уступки, казалось бы, здравому смыслу вышли на деле уступками здравого смысла. Германия объединилась, немцы братаются, зато Союз раскололся, и не наполовину, а на многие куски, и русские там брошены на произвол судьбы. Социализм пал, но одновременно с ним пал и самый глазный бастион против тотального владычества демократии Запада, которая мягко стелет, да жестко будет спать. Запаса ядерного оружия хватало, чтобы уничтожить Землю, если мне не изменяет память, семнадцать раз, теперь его осталось на шестнадцать с половиной — большая ли разница, зато оружие бывшего СССР стало чрезвычайно опасным и в любой момент может попасть в руки политических дикарей, способных палить в любую сторону. Так что страха на Земле меньше не стало. Не только Россия — весь мир, державшийся на равновесии сил, сделал сегодня опасный крен и должен бы как заклинание повторять слова Тютчева:

Ты бурь уснувших не буди,
под ними хаос шевелится.

Нобелевский комитет, присуждающий Премии мира, вероятно, так далеко не заглядывал.

— Скажите откровенно: можно ли считать одной из форм взяток те премии, которые присуждены нашим лидерам за их скороспелые мемуары, о литературных достоинствах коих, я полагаю, нет смысла говорить?

— Называйте это как хотите, но не годится, я считаю, эксплуатировать несчастья народа, к которым и ты имеешь отношение, и зарабатывать на этом деньги. Мемуары — это итог, и то, что наши политические деятели посреди кораблекрушения отдаются писанию мемуаров, показывает, что здесь они и видят конец действия. Для себя спасательные круги своими воспоминаниями они заготовили, а как быть с другими?

— Наверно, вам известны многочисленные заявления Б. Н. Ельцина о том, чтобы сделать политику нравственной. Как бы вы оценили политику нынешнего российского руководства именно с точки зрения нравственности?

— Нельзя делать политику до определенного момента безнравственно, а потом, добившись с помощью безнравственной политики желаемых результатов, сказать, что вот теперь нужно делать политику нравственной. Так не бывает.

— Вы считаете, методы, с помощью которых Ельцин пришел к власти, безнравственны?

— Разумеется, в борьбе против центра он не гнушался ничем, играя на недовольстве народа и разжигая его как только мог. Метода была знакомая: «весь мир насилья мы разрушим до основанья...», теперь наступило «...а затем». Призывал к беспорядкам, к забастовкам, подзуживал «самостийщиков» (помните: берите суверенитета, сколько проглотите), не церемонился со своими политическими противниками, не скупился на обещания и посулы. Положим, чтобы играть на популистском инструменте, надо было иметь широкую аудиторию. Она была. Народ опять оказался умен задним умом. И получил по заслугам. Все, что запускал Ельцин против Союза, ударило сейчас бумерангом по России. Дай Бог совладать ему с тем, что он породил, только нравственность здесь ни при чем. У нее свой фасон, на политическую колодку она не шьется.

— Вы, конечно, знаете, какая каша заваривается в северокавказском котле. Помните, какой протест вызвал Указ Президента России о введении в Чечено-Ингушетии чрезвычайного положения?

— Я считаю, Указ был верный, но попал на слишком горячую почву. А она, эта горячая почва, вызвана действием как раз того самого бумеранга, который, расколотив Союз, налетел на Россию. Президент и его команда пожинают плоды своей собственной политики. А республики раздвигают горло, чтобы побольше заглотить.

— Вам не приходилось лично встречаться с Борисом Николаевичем?

— Нет.

— Северный Кавказ, Татария... А насколько, на ваш взгляд, реально отделение Сибири от России? Ведь там тоже появились свои республики. Еще на памяти поездка Горбачева в Иркутск. Как повлияла она на жизнь ваших земляков?

— Никак. Поездки никакого президента ничего сейчас изменить не в состоянии. Вдохновить они не могут, помочь — тоже. А настроение народа известно, оно ныне проникает сквозь стены любой звуконепроницаемости — хоть в «Белом доме», хоть в Кремле. Подозреваю, что очень скоро народ станет собираться вокруг других предводителей.

О настроениях в Сибири. Будем надеяться, что до сепаратизма и буферных республик здесь не дойдет. Хотя... Вот и Бурятия избирает президента. Эта президентомания, которая и начиналась как фарс, превращается в страсть к шутовскому порядку. Даже ермолка, как известно, не всякому Божьему существу подходит, а президентство — ермолка посерьезней. А зачем? Что, это добавит достоинства, мудрости, благополучия, уважения? Напротив, доказывает несамостоятельность, холуйство, обезьянничанье. Вроде, ничего страшного: пусть — если забыли или не изобрели собственную «шапку Мономаха», — пусть потешатся, после сами над собой будут смеяться. А с другой стороны: даже одна вошь, заползшая с чужого кафтана, способна натворить такие беды, что похлестче тифа. Президент — значит и для всей власти целое чужое наречие, а оно потребует заимствования в приемах употребления власти, затем перестройка в нравах, образе мысли, потихоньку да помаленьку во всем. Вот и поиграли.

— В последнее время мне часто вспоминаются ваши слова, сказанные почти три года назад, на первом Съезде народных депутатов СССР: «...а может быть, России выйти из состава Союза?..» За этими горькими словами — неизбывная драма русского национального сознания. Ну а то, чему привел Бог быть свидетелем сейчас, — фарс, пародия. Оттого — еще горше...

— Мои слова были сказаны в ответ на прохлятия, которые раздавались на том съезде в адрес России и русских и которые иначе и нельзя было понять, как «все зло от них», то есть — от нас.

Какими вдохновенными, судьбоносными для истории фигурами казались, должно быть, сами себе деятели «народных фронтов» из бывших союзных республик, когда дружно и громогласно заявляли о желании порвать с Россией. А были они только пешками в чужих руках. Планы расчленения страны подготовлены были значительно раньше. К примеру, еще в 1959 году сенат США принял резолюцию, объявляющую последнюю неделю июля неделей порабощенных наций и благословляющую деятельность правительства по освобождению этих порабощенных наций из-под ига коммунистической России. Что и произошло в точном соответствии не с волей народов, а с волей политиков, распоряжающихся судьбами мира.

СНГ, на котором бывшие члены Советского Союза ныне остановились, я принимаю только как временную, переходную форму перед дальнейшим национал-расплевательством. Если до сих пор обходились без здравого смысла — где его взять, когда придется решать территориальные, имущественные, межнациональные и многие другие проблемы? Когда придется на практике рвать по живому да еще с той решимостью, которую демонстрируют друг перед другом недавние «братья». Причиной раздоров может быть все, любая мелочь, вплоть до ревности: кто, какое «независимое» государство больше добивается благосклонности и любви у покровителей, вольных любого из них казнить или миловать.

И хуже всего — как при братстве страдала Россия, так страдает она и больше всех теряет при разделе. Снова все издержки за ее счет, снова ее рвут на части и предъявляют права на ее собственность.

— Вы проводите разницу между патриотической идеей и национальной идеей?

— Да, разница при всей близости этих понятий есть. Национальная идея — идея этноса, народа, в нас она более чувственна, духовна. А патриотическая идея — идея государственности, она изменчивей и легче поддается внушению. Другими словами, патриотизм — идея тела, а национализм — душа, которая есть в каждом народе, входящем в общее тело.

— Почему я вас спросил об этом? Есть определенные политические силы, ратующие за чисто Русскую республику. Как вы относитесь к этим устремлениям?

— В начале нашей беседы я сказал, что для России подходит российская идея. Что это за идея? Русская есть, а российская? С чем ее едят? Полагаю, что это — идея сосуществования на равных основаниях, сожительства русского народа с входящими в Россию народами. Русский человек необычайно уживчив с другими, это то, что Достоевский называл его всечеловечностью. Обе басни, одна злобная — будто русский нетерпим к соседу, а вторая жалостливая — будто он готов во вред себе всем прислуживать и угождать, одинаково по разные стороны далеки от истины. Его веротерпимость и дружественность есть то, что должно быть во всяком народе для мирной и согласной жизни. Тогда бы не было повода и никогда не удалось бы подкидывать и осуществлять идеи всеобщей разнационализации и создания единого общечеловеческого конгломерата народов.

Да и как, скажите, пожалуйста, на практике можно создать Русскую республику? На какой территории, по какому принципу? Это бред.

— Тем не менее кое-кому очень хочется представить вас националистом, а то и шовинистом.

— Тем, кто хлопочет о безнациональном обществе. От окрика «националист» я не побегу испуганно в кусты и не стану оттуда оправдываться: нет, нет, я ваш, я гольный интернационалист. Гольным быть не хочу. Я за тот интернационализм, в котором, не мешая друг другу, а только дополняя, будет существовать расцветка всех наций. Понятие «национализм» сознательно оболгано. Судить о нем следует не по крайностям и дури, которых не миновать во всякой здоровой идее, а по сердцевине и нравственно-духовным началам. Сознательный, культурный национализм есть работа по качественному преобразованию своего народа, высвобождению в нем нравственных сил, указанию на все, что достойно его имени. Кому от этого может быть хуже? Когда я стану уважать себя в себе, я буду уважать себя и в человеке из другого народа. Это закон дружественности. Если он кому-то не нравится, я вправе подозревать здесь злой умысел.

— Не так давно «Литературной России» пришлось вступиться за вас от нападок «Еврейской газеты», когда ее главный редактор Танхред Голенопольский в заметках, посвященных визиту М. Горбачева в Японию, назвал вас «иудофобом». Почему вы не обратились в суд? Разве это не клевета?

— Слишком часто пришлось бы подавать в суд, жизнь посвятить этим судам. Эта братия на то и рассчитывает, в судах она чувствует себя как дома среди близких. Давно известно: если ты идешь к цели, но будешь отвлекаться на каждую лающую на тебя собаку, ты никогда не дойдешь до цели. Каких только ярлыков на меня не наклеивали! Уж привык. Правда, иной раз выкинут что-нибудь совсем особенное: к примеру, будто я осведомитель КГБ. Политическую борьбу по правилам вести не умеют, вот и бьют подло, по-блатному, лишь бы свалить.

Человеческая честь, я считаю, заключается не в том, чтобы требовать удовлетворения по любому пустяку, пусть и справедливому, а в том, чтобы не опуститься до непотребного уровня своих противников.

— Вот что пишет наша читательница из Москвы Ольга Владимировна Лисица: «Страшно поду-